

**Шершеневич Габриэль Феликсович**

**Задачи и методы  
гражданского правоведения**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84  
Г12

Г12      **Габриэль Феликсович Ш.**  
Задачи и методы гражданского правоведения / Шершеневич Габриэль Фелик-  
сович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 46 с.

**ISBN 978-5-521-31061-6**

**ISBN 978-5-521-31061-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



исторически накопившихся нормъ. Цѣль систематической разработки права практическая, но однако не исключительно судебная, какъ это иногда утверждаютъ. Систематическое изложеніе дѣйствующаго права необходимо не только для судей, но для всѣхъ вообще гражданъ. Эта полезная задача можетъ быть преслѣдуема совершенно независимо отъ двухъ другихъ, тогда какъ ни одна изъ послѣднихъ не можетъ быть достигнута помимо первой. Объясненіе и оцѣнка нормъ предполагаютъ уже знаніе и притомъ не случайное, разрозненное, а въ ихъ взаимной связи, т. е. систематизированное знаніе.

Но, если научное изученіе права можетъ остановиться на этой стадіи безъ потери научнаго достоинства, это еще не значить, что оно должно бросить здѣсь якорь.

Вторая задача правовѣдѣнія заключается въ объясненіи существующаго юридическаго порядка. Если житейская практическая потребность удовлетворяется систематическимъ изложеніемъ дѣйствующаго права, то пытливость научно воспитаннаго ума идетъ дальше и желаетъ знать причины, подѣ влияніемъ которыхъ сложились тѣ, а не иныя нормы. Такое объясненіе существующаго можетъ дать только изученіе прошедшаго. Его приходится искать или въ общихъ законахъ общественнаго развитія или же въ тѣхъ ближайшихъ историческихъ условіяхъ, которыя вызвали существованіе дѣйствующихъ нормъ. Въ совокупности этическихъ, политическихъ, экономическихъ, религіозныхъ, психическихъ условій прошлой жизни даннаго общества слѣдуетъ искать причинъ появленія гражданскаго порядка. Съ другой стороны каждое общество подчиняется общимъ законамъ соціального развитія и въ нихъ, независимо отъ конкретной обстановки, надо искать объясненія сложившемуся строю.

Эта вторая задача находится въ тѣсной связи съ первой. Объяснить существующее можно только зная его, а знаніе существующаго, какъ мы видѣли, предполагаетъ научную обработку, т. е. обобщеніе и систематизацію матеріала. Такимъ образомъ вторая задача, являясь выраженіемъ вопросовъ, выдвинутыхъ пытливымъ умомъ, который не довольствуется констатированіемъ факта, но ищетъ ихъ объясненія,—не отличается тою самостоятельностью, какою свойственна первой задачѣ. Однако связь обѣихъ задачъ связы-

вается не только въ томъ, что достиженіе второй невозможно помимо первой, но и въ томъ, что выясненіе причинъ существующаго нерѣдко облегчаетъ его познаніе. Здѣсь вторая задача приходитъ на помощь первой. Независимо отъ тѣхъ единичныхъ случаевъ, когда смыслъ дѣйствующихъ нормъ опредѣляется ихъ историческимъ происхожденіемъ, вообще знаніе всего сложившагося порядка много выигрываетъ въ ясности, если соединяется съ раскрытіемъ вызвавшихъ его причинъ. Архитектурный рисунокъ выигрываетъ или проигрываетъ, смотря по фону, на которомъ онъ набросанъ и чѣмъ тоньше штрихи, тѣмъ важнѣе оттеняющій его фонъ.

Но и на этомъ научное правовѣдѣніе не должно останавливаться. Самое отчетливое знаніе гражданскаго порядка и самое глубокое пониманіе причинъ его существованія оставляетъ неудовлетворенною творческую потребность человѣка. Если даже при наблюденіи явленій внѣшняго міра у человѣка обнаруживается наклонность оцѣнить ихъ цѣлесообразность, то тѣмъ болѣе понятно такое стремленіе, когда рѣчь идетъ о социальныхъ явленіяхъ, въ которыхъ человѣческая воля играетъ выдающуюся роль. Само собою возникаетъ желаніе оцѣнить существующій порядокъ съ точки зрѣнія выработаннаго идеала и дать просторъ своей творческой способности.

Такая критика можетъ пріобрѣсти дѣйствительно научное значеніе, когда она имѣетъ подъ собою научную почву, т. е. всестороннее знаніе и пониманіе существующаго. А такъ какъ это дается только наукою, то кто же, какъ не ученые, могутъ считаться призванными къ подобной критической дѣятельности? И социальная наука обманула бы возлагаемыя на нее надежды, если бы сознательно и намѣренно устранилась отъ такой задачи и, слѣдуя примѣру естествознанія, ограничилась бы изученіемъ того, что было и есть.

Такимъ образомъ гражданское правовѣдѣніе, вооруженное знаніемъ дѣйствующаго права, а также знаніемъ всѣхъ тѣхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать юридическимъ нормамъ и подъ вліяніемъ которыхъ складывается дальнѣйшее развитіе права, можетъ и должно оцѣнить цѣлесообразность и справедливость какъ отдѣльныхъ нормъ, такъ и всего гражданско-правового порядка, опредѣлить вліяніе нормъ на жизнь, намѣтить дальнѣйшее направ-

леніе общественной жизни подѣйствіемъ сложившагося права, выработать юридическія мѣры для отклоненія этого движенія, если оно обнаружитъ вредное направленіе, и для содѣйствія и ускоренія его, если направленіе будетъ признано благотворнымъ.

Терминологія. Выраженіе «гражданское право» употребляется для обозначенія какъ самой науки, такъ и матеріала, подлежащаго ея изученію, что во многихъ отношеніяхъ представляется неудобнымъ. Поэтому, сохраняя указанное названіе для научнаго матеріала, слѣдуетъ воспользоваться выраженіемъ «гражданское правовѣдѣніе» для обозначенія самой науки. У римлянъ терминъ *jurisprudentia* обозначалъ лишь большую степень опытности въ правѣ, а не научную его обработку и выраженіе *prudentia* прилагалось къ другимъ сферамъ жизненной опытности (напр. *habebat enim magnam prudentiam, tum juris civilis, tum rei militaris*, Корнелій Непотъ, Кимонъ, 2) Въ настоящее время это выраженіе получило всеобщее распространеніе въ европейскихъ языкахъ для обозначенія науки права. Однако неудобство этого выраженія обнаруживается въ томъ, что французы и англичане примѣняютъ его въ двоякомъ значеніи—науки права и судебной практики. Въ Англіи слово *jurisprudence* употребляется даже для обозначенія и самыхъ нормъ, т. е. научнаго матеріала. Только нѣмецкое слово *Rechtswissenschaft* свободно отъ двусмысленныхъ значеній.

Л и т е р а т у р а. Вопросъ о задачахъ и методахъ гражданского правовѣдѣнія представляется совершенно неразработаннымъ въ юридической литературѣ. Еще въ 1873 году Аренсъ указывалъ на характерное для юриспруденціи явленіе, что въ ней нѣтъ яснаго сознанія примѣняемыхъ ею методовъ и даже едва ставится самый вопросъ объ этомъ важномъ предметѣ (*Naturrecht*, I. стр. 303, ср. *Jhering, Geist des römischen Rechts*, т. II, ч. 2, 1883, стр. 310, 320). И въ настоящее время дѣло мало измѣнилось къ лучшему. Въ этомъ отношеніи правовѣдѣніе значительно отстало отъ близкой ему социальной науки, политической экономіи, въ которой вопросамъ методологии посвящена огромная литература. Отсталость правовѣдѣнія съ этой стороны объясняется печальнымъ состояніемъ той науки, на обязанности которой лежитъ разработка вопросовъ, общихъ всѣмъ юридическимъ наукамъ. Нѣкогда (въ 40 и 50 гг.) много обѣщавшая, энциклопедія права низведена теперь у нѣмцевъ до сжатого обзора или конспекта отдѣльныхъ наукъ, а во Франціи смѣшивается съ такъ называемою философіею права, въ дѣйствительности же съ отрывочными соображеніями о справедливости существующаго порядка. Только въ Англіи общіе вопросы права вызвали богатую новѣйшую литературу. Таковы труды *Holland, Markby, Amos, Salmond, Pollock, Lightwood, Hearn*. Но для разработки методологии права почва въ Англіи мало благоприятна, потому что догматическія работы почти все

отсутствуютъ здѣсь. Съ другой стороны правовѣдѣніе находитъ мало помощи въ научной разработкѣ логики. Лучшіе представители этой науки воспитаны на естествознаніи, а изъ социальныхъ наукъ менѣ всего знакомы съ приемами правовѣдѣнія. Это относится къ Миллю и Бэну. Первый, специалистъ по политической экономіи, обходитъ правовѣдѣніе полнымъ молчаніемъ. Замѣчанія второго (*Logique déductive et inductive*, пер. 1894, т. II, стр. 467—507, есть рус. пер.) крайне поверхностны. Одинъ Wundt посвящаетъ особое вниманіе правовѣдѣнію (*Logik*, т. II, *Methodenlehre*, ч. 2, 1895, стр. 533—588). Логика Sigwarta (*Logik*, 2 изд. т. I, 1889, т. II, 1893), хотя и не содержитъ особаго отдѣла, посвященнаго правовѣдѣнію (если не считать т. II, стр. 737), едва ли не самая подходящая для юристовъ. Примѣненіе общихъ основъ логики къ правовѣдѣнію представляетъ довольно бѣдная по содержанію книга Piola, *Elementi di logica giuridica deduttiva ed induttiva*, 1895. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ по методологіи гражданского правовѣдѣнія можно указать только: Jhering, *Geist*, т. II, ч. 2, стр. 309—389, Rümelin, *Juristische Begriffsbildung*, 1878; Pfersche, *Methodik der Privatrechtswissenschaft*, 1881; Merkel, *Juristische Encyclopädie*, 1885, стр. 171—178; Asturano, *La scienza del diritto e i suoi problemi metodologici* (*Riv. scient. del diritto*, 1897. Общаны работы по методологіи: Bergbohm, *Jurisprudenz und Rechtsphilosophie*, т. I, 1892, стр. 105, Bierling, *Juristische Principienlehre*, т. I, 1894, стр. 14. Въ Россіи методологія правовѣдѣнія всегда обращала на себя вниманіе и поэтому вопросу русская литература довольно богата по сравненію съ западной. Для гражданского правовѣдѣнія важны труды Муромцева, *Очерки общей теоріи гражданского права*, 1877, *Опредѣленіе и основное раздѣленіе права*, 1879, *Что такое догма права*, 1885. Взгляды Муромцева вызвали полемику по вопросамъ методологіи: Пахманъ, *О современномъ движеніи въ наукѣ права*, 1882 (ж. гр. и уг. пр. кн. 3), Гольмстенъ, *Этюды о современномъ состояніи права* (ж. гр. и уг. пр. 1884, №№ 3, 4 и 5 и въ *Юридическихъ изслѣдованіяхъ*, 1894), Коркуновъ, *О научномъ изученіи права* (ж. гр. и уг. пр. 1832, №№ 4 и 5, а раньше—*Наука права и естествознаніе* (ж. гр. и уг. пр. 1879, № 2, а теперь въ *Сборникѣ статей Н. М. Коркунова*, 1898), Звѣревъ, *Положительное направленіе въ разработкѣ общаго ученія о правѣ* (ж. гр. и уг. пр. 1881, № 1). Въ послѣднее время на эту почву выступилъ Петражицкій, на трудахъ котораго придется далѣе остановиться подробно.

Вопросъ о задачахъ правовѣдѣнія не выдѣляется изъ вопроса о методахъ, какъ это принято у экономистовъ, см. особенно Wagner, *Lehr- und Handbuch der politischen Oekonomie*, изд. 3, т. I, 1893, стр. 142—166, Ditzel, *Theoretische Socialökonomik*, 1895, стр. 4—60. По вопросу о задачахъ социальныхъ наукъ заслуживаетъ вниманія Dilthey, *Einführung in die Geisteswissenschaften*, т. I, 1883, стр. 1—150. Три указанныя задачи правовѣдѣнія соответствуютъ тремъ задачамъ социальныхъ наукъ у Дильтея (стр. 33), въ частности относительно правовѣдѣнія см. у Salmon, *The first principles*

of Jurisprudence, 1893, стр. 2 (не считая философію права, которую авторъ называетъ формальною юриспруденціею, У м о в ъ, Понятіе и методы изслѣдованія гражданскаго права (Моск. Унив. Изв. 1872, кн. 4, стр. 413). Ад. Вагнеръ выставяетъ шесть задачъ (стр. 144—145) для социальныхъ наукъ, но онѣ могутъ быть сведены къ указаннымъ тремъ. M e r k e l не рѣшается отнести къ задачамъ правовѣднія критику права и политику, но, признавая ее за eine Disciplin, ставитъ zur Seite der Rechtswissenschaft (Juristische Encyclopädie стр. 175). G a r e i s ставитъ рядомъ съ догматикою и исторіей толкованіе законовъ, какъ третью задачу (Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft, 1887, стр. 171, то же Walter, Juristische Encyclopädie, 1856, стр. 49).

Что объектомъ правовѣднія являются нормы, поддерживаетъ P f e r s c h e, Methodik der Privatrechtswissenschaft, стр. 7—8, противнаго мнѣнія К о р к у н о в ъ, Лекціи по общей теоріи права, 1897, стр. 348. Въ пользу своего взгляда К о р к у н о в ъ приводитъ то соображеніе, что юридическія отношенія постоянныя нормы. Но постоянство ихъ стоитъ въ прямой зависимости отъ постоянства нормъ: всякое измѣненіе послѣднихъ отразится немедленно на юридической сторонѣ регулируемыхъ нормами бытовыхъ отношеній. Точно также и W u n d t, (Logik, т. II, ч. 2, стр. 562) считаетъ, что задача правовѣднія состоитъ въ систематизаціи юридическихъ отношеній, хотя это и не исполнѣ согласуется съ его замѣчаніемъ, что исходнымъ пунктомъ научной обработки права служатъ нормы (стр. 577). По мнѣнію М а л ы ш е в а, Курсъ общаго гражданскаго права, т. I, стр. 12, объектомъ гражданскаго правовѣднія является дѣйствительный гражданскій бытъ съ его конкретными отношеніями и фактами.

§ 2. Догматическій методъ. Догматика заключается въ систематическомъ изложеніи нормъ гражданскаго права, дѣйствующихъ въ данное время въ извѣстной странѣ. Задача эта достигается посредствомъ довольно сложнаго процесса, который состоитъ въ описаніи, обобщеніи, классификаціи нормъ, а также въ установленіи юридическихъ опредѣленій.

А. Первою стадіею въ указанномъ процессѣ является описаніе частно-правовыхъ нормъ, т. е. собраніе и отдѣлка того матеріала, изъ котораго должно быть построено научное зданіе системы гражданскаго права. Это черная, но безусловно необходимая работа.

Собраніе матеріала довольно трудно, когда дѣйствующее право выражается въ формѣ обычая и нормы его приходится устанавливать, какъ явленія внѣшняго міра, когда ихъ нужно открывать. Собраніе матеріала обычнаго права составляетъ

первичную форму научнаго правовѣдѣнія. Въ этомъ выразилась у римлянъ первая юридическая работа Кнея Флавія, тотъ же характеръ отличаетъ всѣ произведенія средневѣковыхъ кристовъ, какъ бы таковыя ни назывались, зерцала, книги законовъ, сборники кутумовъ. Собираніе матеріала значительно легче, когда приходится имѣть дѣло съ законодательными нормами, знакомство съ которыми доступно каждому грамотному человѣку. Но даже въ законодательный періодъ знаніе нормъ затрудняется нерѣдко чрезмѣрнымъ ихъ количествомъ, разбросанностью, неудовлетворительностью порядка ихъ изданія. Поэтому никогда не исчезаетъ потребность въ сборникахъ, которые бы обнимали всѣ нормы гражданскаго права и съ точностью выдѣлили бы дѣйствующія въ данный моментъ отъ потерявшихъ уже силу.

Къ описательной стадіи относится не только собираніе нормъ, но и разъясненіе ихъ смысла, т. е. содержанія того велѣнія, которое въ нихъ заключается (комментаріи). И въ этомъ отношеніи законодательный матеріалъ представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ обычай. При этомъ выясненіе смысла законодательныхъ нормъ, при помощи грамматики и логики, гораздо легче, когда онѣ заключены въ кодексъ, нежели когда онѣ собраны въ сводъ. Во второмъ случаѣ сопоставлены нормы, вырванныя изъ различныхъ историческихъ памятниковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого значительнымъ промежуткомъ времени, изданныхъ при разныхъ условіяхъ и писанныхъ языкомъ разныхъ литературныхъ періодовъ. Поэтому настоятельность и важность описательной работы въ этомъ случаѣ представляются особенно очевидными. Такой трудъ требуетъ нерѣдко глубокихъ филологическихъ и историческихъ познаній.

Если существованіе и смыслъ нормы установлены, то отъ догматика не требуется еще доказываніе вѣрности положеній, содержащихся въ нормѣ. Для догматика ихъ вѣрность заключается въ ихъ юридической силѣ. Для него они играютъ роль аксіомъ, не подлежащихъ доказыванію, но достаточныхъ для правильности выводовъ, на нихъ основываемыхъ.

Знаніе всѣхъ нормъ гражданскаго права составляетъ необходимую предварительную ступень, на которой однако правовѣдѣніе не должно останавливаться, рискуя въ противномъ случаѣ остаться законовѣдѣніемъ, потому что только

обобщенное и систематизированное знаніе въправѣ называться научнымъ. Въ этомъ отношеніи справочныя изданія и комментарий, всегда полезныя для науки, сами по себѣ никакой претензіи на научность имѣть не могутъ. Наука свободна въ распредѣленіи матеріала, тогда какъ комментарий связанъ системою, какую угодно было избрать законодателю.

В. Второй моментъ въ догматическомъ процессѣ—это обобщеніе. Изъясняя смыслъ отдѣльныхъ нормъ, комментируя положительное право, приходится разлагать содержаніе вѣщнаго на составныя элементы, чтобы съ большею очевидностью и точностью установить всѣ условія приложенія нормы и всѣ заключающіяся въ ней послѣдствія. Напр. въ положеніи „безпорное и непрерывное владѣніе, продолжающееся въ теченіе 10 лѣтъ, въ видѣ собственности, превращается въ право собственности“ каждое слово вызываетъ цѣлое представленіе и сущность приведенной нормы не будетъ понята, пока она не разложится на составныя представленія.

Опуская постепенно всѣ особенныя признаки ряда анализируемыхъ нормъ, мы получимъ общій имъ признакъ въ изолированномъ видѣ. Очевидно, что вмѣсто многократнаго разсматриванія одного и того же элемента, гораздо удобнѣе посвятить ему особое вниманіе передъ группою повторяющихъ его нормъ. Такъ напр. встрѣчая нормы, въ которыхъ повторяется положеніе о прекращеніи права на искъ по истеченіи того или иного срока, можно разсмотрѣть самостоятельно исковую давность, независимо отъ разныхъ сроковъ и правъ. Или напр. разсматривая одинъ за другимъ признанные закономъ договоры, мы всюду встрѣчаемъ соглашеніе сторонъ, какъ основаніе прекращенія договоровъ; выдѣляя это обстоятельство, можно сказать, что соглашеніе составляетъ вообще способъ прекращенія договорнаго отношенія. Такой приѣмъ, подобный вынесенію за скобки общаго множителя, даетъ возможность избѣгать излишнихъ повтореній. Этимъ не создается новая норма, а только выдѣляется общее ряду нормъ, тождественно въ нихъ повторяющееся правило, которое разъ за разомъ проходитъ передъ глазами наблюдателя. На такомъ обобщеніи основывается выдѣленіе общей части обязательственнаго права и общей части всего гражданскаго права.

Отъ указаннаго сейчасъ обобщенія нѣсколько отличается другой процессъ обобщенія—установленіе юридическихъ прин-

типовъ. Подъ именемъ юридическаго принципа слѣдуетъ понимать общее направленіе, раскрываемое въ рядѣ юридическихъ нормъ. Въ противоположность обобщенію перваго рода, юридическій принципъ не содержится, въ видѣ готоваго правила, въ самихъ нормахъ. Эта мысль, лежащая въ основаніи отдѣльныхъ нормъ, улавливается по нѣкоторымъ частнымъ и косвеннымъ признакамъ. Нерѣдко самимъ творцомъ нормы она только чувствуется, но не сознается ясно. Задача науки заключается въ томъ, чтобы обнаружить эту мысль и облечь ее въ образъ нормы. Превращая въ норму не формулированную мысль законодателя, наука не творитъ содержаніе вѣщія, а извлекаетъ его изъ матеріала положительнаго права; она только придаетъ ему осязательную форму.

Такъ напр. въ русскомъ законодательствѣ имѣются такія нормы: 1) Всякій владѣвшій чужимъ имуществомъ на какомъ бы то ни было основаніи, обязанъ возвратить его собственнику; 2) въ случаѣ покупки вещи, которая впослѣдствіи оказалась краденой, покупатель лишается вещи въ пользу собственника; 3) все похищенное имущество, по обнаруженіи преступленія, возвращается немедленно собственнику. Эта группа положеній обнаруживаетъ тенденцію законодателя защищать интересы собственника во всякомъ случаѣ, даже въ ущербъ интересамъ добросовѣстныхъ приобретателей. Отсюда выводится принципъ строгой виндикаціи. Значеніе такого принципа заключается не въ обнаруженіи только элемента общаго тремъ указаннымъ нормамъ, но въ открытіи основныхъ взглядовъ законодателя на собственность, бросающихъ извѣстный свѣтъ на всѣ нормы, опредѣляющія институтъ собственности. Таковы же принципъ передаваемости обязательствъ, свойственный современному праву въ противоположность принципу индивидуальности, принципъ возмездности торговыхъ сдѣлокъ въ противоположность гражданскимъ сдѣлкамъ, принципъ равноправности иностранцевъ въ противоположность принципу національной исключительности, принципъ освобожденія собственности отъ всякихъ стѣсненій въ противоположность принципу покровительства сервитутнымъ отношеніямъ, и др.

Значеніе юридическихъ принциповъ не то, что обобщеній перваго рода. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы избѣгать излишнихъ повтореній. Здѣсь научный капиталъ составляется не путемъ сбереженій, а производствомъ. Изъ сырого законода-

тельного матеріала создается по формѣ какъ бы новая норма, которая въ дѣйствительности представляетъ только переработку законодательнаго матеріала. Исходя дедуктивнымъ путемъ изъ юридическаго принципа, мы предугадываемъ частныя правила на непредусмотрѣнные законодателемъ случаи. Конечно, такой процессъ возможенъ при томъ условіи, если мы предположимъ, что и самъ законодатель сдѣлалъ бы такой логическій выводъ. Но предположеніе логичности законодателя во всѣхъ его постановленіяхъ, не всегда, можетъ быть, оправдываемое, такъ же необходимо, какъ и предположеніе, что каждому гражданину извѣстны всѣ законы. Допущеніе обратнаго сдѣлало бы невозможнымъ толкованіе законовъ, а затѣмъ устранило бы установленіе юридическихъ принциповъ.

Въ правовѣдѣніи нѣрѣдко значеніе юридическихъ принциповъ придается общимъ логическимъ законамъ, напр. „кто имѣетъ право на цѣлое, имѣетъ право и на часть, въ него входящую“. Это и подобныя положенія не имѣютъ юридическаго характера. Они только примѣняются къ юридическимъ отношеніямъ, какъ и ко всякимъ другимъ. Напр. положеніе „если данная цѣль можетъ быть достигнута лишь однимъ путемъ, то другимъ достигнута быть не можетъ“ представляетъ собою выраженіе закона противорѣчія, примѣнимаго къ какому угодно отношеніямъ.

Также ошибочно считать юридическими принципами чисто словесныя предложенія. Напр. вѣрность положенія „никто не можетъ передать другому правъ болѣе, чѣмъ онъ самъ имѣетъ“ обуславливается значеніемъ слова „передать“. Вѣрность положенія „возвратить можно лишь то, что получилъ“ опредѣляется значеніемъ слова „возвратить“. Положеніе *dominium pluriū in solidum esse non potest* составляетъ лишь описаніе признака исключительности, уже введеннаго въ *dominium*.

С. Выдающееся значеніе въ догматикѣ имѣетъ установленіе юридическихъ опредѣленій. Подъ именемъ юридическаго опредѣленія понимается соединеніе въ одно различныхъ условій, совокупность которыхъ способна вызвать опредѣленный рядъ юридическихъ послѣдствій. Такъ напр. завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца объ его имуществѣ на случай смерти (т. X, ч. 1, ст. 1010). Здѣсь мы имѣемъ условія: наличность имущества, предсмертное распоряженіе владѣльца, смерть послѣдняго, изъявленіе согласія со стороны

наслѣдника. Сочетанію этихъ условій соотвѣтствуютъ послѣдствія: приобрѣтеніе наслѣдникомъ правъ, входящихъ въ составъ наслѣдства, сліяніе двухъ имуществъ, отвѣтственность наслѣдника за долги наслѣдодателя. Опредѣленіе договора имущественнаго найма таково: это соглашеніе, въ силу котораго одно лицо за опредѣленное вознагражденіе обязывается предоставить другому временное пользованіе своею вещью. Такое соединеніе условій производитъ рядъ послѣдствій, достаточно извѣстныхъ каждому. Выбросимъ въ приведенномъ опредѣленіи условіе о „вознагражденіи“: оставшіеся элементы создадутъ иной рядъ послѣдствій: измѣнится значеніе несоблюденія формы сдѣлки, измѣнится отвѣтственность лица пользующагося за сохранность вещи. Эта новая комбинація поэтому носитъ особое названіе „ссуды“. Произведемъ иное измѣненіе: отбросимъ условіе „временное“ и тогда сумма оставшихся элементовъ создастъ особый рядъ послѣдствій, обозначаемый именемъ чиншевого права.

Приведенныя опредѣленія принадлежатъ самому законодательству. Какимъ же образомъ создаетъ опредѣленія наука?

Нерѣдко законодатель, избѣгая опредѣленій, устанавливаетъ рядъ нормъ для даннаго отношенія, въ которыхъ условія и послѣдствія разбросаны по разнымъ мѣстамъ. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлить эти условія и послѣдствія и собрать ихъ въ одно. Напр. наше законодательство, давая постановленія о послѣдствіяхъ поручительства, не опредѣляетъ, что оно такое. Постановленія закона о поручительствѣ помѣщены въ отдѣлѣ объ обязательствахъ по договорамъ: слѣдовательно поручительство есть обязательство, основанное на соглашеніи. Оно помѣщено среди другихъ способовъ обезпеченія обязательствъ: слѣдовательно поручительство есть договорное обязательство, обезпечивающее другое обязательство. Изъ нормъ, перечисляющихъ послѣдствія поручительства, видно, что обезпеченіе достигается посредствомъ привлеченія къ отвѣтственности третьяго лица, слѣдовательно, поручительство есть договоръ объ обезпеченіи обязательства третьимъ лицомъ, поручителемъ. А такъ какъ съ послѣдняго можетъ быть потребовано исполненіе того, что обязанъ былъ исполнить самъ должникъ, то поручительство можно опредѣлить окончательно, какъ договоръ объ исполненіи обязательства, въ случаѣ не исправности должника, поручителемъ.